

УДК 811.161.1'243

Цинь Жуй

РУССКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Актуальность. Описание лексики в лингвострановедческом аспекте предполагает поиск и анализ того специфического, которое детерминируется особенностями истории, культуры, мировоззрения конкретной нации, конкретного народа. Как известно, в русском языкознании этими вопросами фундаментально занимались исследователи Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, которые являются авторами лингвострановедческой теории слова [3, 72]. В настоящее время ведутся наблюдения над частными вопросами в рамках этой проблемы, описываются отдельные группы слов с позиции лингвострановедения, уточняются и дополняются отдельные положения данной теории.

Наименования одежды являются благодатным материалом для лингвострановедческих наблюдений, поскольку они номинируют жизненно необходимые атрибуты бытия любого народа, в том числе и русского. В них не может не отражаться национальная специфика определённой области материальной культуры. Хотя отдельные слова — названия одежды и привлекали внимание исследователей в этом плане, однако в целом данная лексическая группа в указанном аспекте не рассматривалась, что и является **целью** нашего анализа. **Задачи** данной публикации — общая характеристика группы слов с позиций лингвострановедения, а также наблюдение над особенностями эквивалентности и фоновых характеристик слов заявленной группы.

Лингвострановедческое исследование предполагает в первую очередь определение круга эквивалентной и безэквивалентной лексики. Безэквивалентными являются “слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями” и поэтому “не имеющими перевода на другой язык одним словом”. [3]

В группе русских наименований одежды безэквивалентными можно считать слова **лапти, сарафан, ушанка, косоворотка, будёновка, толстовка, татьянка, шаровары** и другие. Эти слова не имеют однословных эквивалентов в других языках, в двуязычных словарях не переводятся, а либо передаются соответственными буквенными обозначениями (например, **сарафан** — англ. sarafan [4, 560]), либо сопровождаются объяснением-описанием данного вида одежды (например, тот же **сарафан** — англ. sarafan, long sleebeless gown of countywomen, т. е. длинное платье без рукавов для крестьянки. [4, 560], 萨拉凡 [sa la fan] 俄罗斯妇女民族服装, 套在衬衣外面的无袖宽松长衫, что переводится как “женская крестьянская одежда, род платья без рукавов, надеваемая поверх рубашки” [2, 2003]). Такая же картина в двуязычных словарях наблюдается и по отношению к другим вышеназванным словам.

Большинство же лексем, служащих названиями одежды в русском языке, имеют эквиваленты в других языках, т. е. они могут быть без проблем переведены одним словом на другой язык и не требуют объяснений или описаний. Например: русск. **брюки** — англ. **trousers** [4, 59], кит. 裤·子 [2, 129] русск. **пальто** — англ. **coat** [4, 399], кит. 大衣 [2, 1345].

Однако в ряде случаев эта эквивалентность не может быть признана абсолютной. При этом обнаруживаются различные особенности лексической адекватности. Одна из них состоит в том, что одному слову в русском языке могут соответствовать два и больше эквивалентов в другом языке (например, слово **бельё** в английском языке имеет два эквивалента: **linen** — “полотно, простыня” [1, 922] и **underwear** — “нижнее бельё” [1, 1642]). Наблюдаются и противоположные случаи, напр. головные уборы, различные по форме, материалу, назначению, называемые в русском языке словами **шапка**, **фуражка**, **кепка** переводятся на английский язык одним словом **cap** [1, 237]. Подобные случаи могут быть объяснены тем, что то, что определённым народом осознаётся как одно понятие, в другом национальном видении представлено в виде двух понятий, соответственно обозначенных двумя лексемами. Например, семантическое наименование англ. **Skirt** свидетельствует о том, что в его основе лежит понятие “края вообще”, которое может конкретизироваться, в частности, и в роли обозначения вида одежды (“нижняя часть платья”) и в роли обозначения низа одежды, опушки леса, побережья озера и т. д.. В русском же национальном сознании вид одежды, названный словом **юбка**, что эквивалентно вышеуказанному англ. **skirt**, не обнаруживает родства со словом **подол** “низ швейного изделия”, которое также является переводом англ. **skirt**. [1, 1423]

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении пары **платье** — англ. **dress**, которые, безусловно, эквивалентны. Однако более глубокое и внимательное проникновение в семантическую структуру этих слов показывает, что содержание одного слова далеко не покрывается содержанием другого слова. В данной паре значительно богаче и объёмнее семантика английского слова. Причина несовпадения, на наш взгляд, состоит в том, что само понятие, обозначенное словом **dress**, намного шире понятия, выражаемого словом **платье**. Даже в своем собирательном значении “одежда, носимая поверх белья” [5, IX, 1345], лексема **платье** может трактоваться как “то, чем покрывается *тело человека*”. В то же время англ. **dress** (грамматически это может быть и существительное и глагол) связано с понятием “покрывания, оформления”, которое даёт возможность для более разнообразных реализаций. А именно: не только “одевать человека”, но и “убирать, украшать, то есть “одевать” что-либо (например, витрину, корабль, дом и т. д.)”, а также “перевязывать рану”, “делать причёску”, “подстригать деревья”, “приправлять пищу” и даже “выравнивать строй в армии” [1, 474]. Отсюда и такие значения слова **dress**, как “наряд для деревьев”, “зимнее оперение птиц”, а также производные типа **dressing** “приправа, соус”, “архитектурный орнамент”, **dresser** “декоратор, оформитель витрин”, “костюмер” и “хирургическая сестра” [1, 474].

Эта широта и объемность понятия, заключённого в слове **dress**, делает его как бы самодостаточным, поэтому оно не связано семантико-derivационными отношениями с другими словами английского языка. Специфичность же русской лексемы **платье** в этом отношении состоит в том, что оно включается в круг исторически родственных слов типа **платок, плащ, полотно, полотнище, полотенце**. Исторические связи этих слов свидетельствуют об определенном “видении” предмета и отражают особенности русского понятийного поля, членом которого является лексема **платье**.

Данный пример говорит о том, что при некотором совпадении референтной отнесённости слов двух языков в целом, языковое членение действительности, фрагменты языковой картины не совпадают, т. е. каждый язык, каждое языковое общественное сознание отражает действительность по-разному.

Кроме понятия, слово характеризуется определенным лексическим фоном, содержанием которого является культурная информация, связанная с этим словом, но присущая лишь определённому народу. Например, исследователь Ю. А. Бельчиков отметил, что русское слово **шляпа** наряду с прямым значением имеет переносно-метафорическое “о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке”. В немецком языке слово **шляпа** в этом значении переводится как *Slappschwanz*, т. е. “вялый хвост”. Таким образом, в сознании носителей немецкого языка слово **шляпа** не ассоциируется с человеком, т. е. в его лексическом фоне отсутствует эта связь. Русское слово **тряпка**, наряду с предметными значениями, выступает в разговорной речи с переносно-метафорическим значением (с оттенком пренебрежительности), когда речь идёт о бесхарактерном, слабовольном человеке. Ср. эквиваленты этого значения слова **тряпка** во французском языке: *poule mouillée* “мокрая курица”, в английском *milksop* — букв. “хлеб, размокший в молоке”, а в китайском **тряпка** эквивалентно **草包** “мешок, сплетённый из соломы”.

Известно, что фон слова, как правило, национально маркирован. Проиллюстрируем это на примере русского **шапка** в сравнении с его китайским эквивалентом. Особый лексический фон слова **шапка** в русском языке реализуется во фразеологизмах типа “**тяжела ты, шапка Мономаха**”, где **шапка** связано с понятием власти; **по Сеньке шапка** — “о полном соответствии чего-л”; **шапкой щи хлебать** — “делать глупости” и т. д. [1, 474]. Для китайского эквивалента подобные употребления не характерны. Однако в китайской культуре головной убор, называемый русским **шапка**, имеет другие символические значения. В буквальном русском переводе они выглядят как **снять шапку неграмотности**, т. е. “стать образованным”, **одевать высокую шапку**, т. е. “делать комплименты”. С **шапкой** ассоциируется у китайцев супружеская неверность (ср.: **надевать зелёную шапку** “изменить супругу” [2, 359]). Русское **шапка** может выступать в словосочетаниях типа **шапки сугробов, свинцовые шапки башен, шапка седых волос, шапка зелени**. Но при этом в русской речи не встречаются сочетания **шапка ручки, шапка карандаша, шапка кисти, шапка болта** и т. д., характерные для китайского словоупотребления.

Выводы

Проведенное исследование свидетельствует о том, что анализ русских наименований одежды в лингвострановедческом аспекте даёт богатый материал не только для иллюстрации теоретических положений этого направления, но и позволяет обнаруживать особенности указанных характеристик лексического состава русского языка, в частности, расчленённую эквивалентность или частичную эквивалентность.

Литература

1. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. / Под ред. Гальперина И. Р. — М., 1979.
2. Большой русско-китайский словарь. -- Пекин, 1992.
3. Верещагин Е. М. Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е. — М.: Русский язык, 1976.
4. Русско-английский словарь. / Под рук. Смирницкого А. И. — М.: Наука, 1981.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах — М.: Наука, 1948- 1975.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.

УДК 811.161.1'243:378.3

Р. Н. Гусейнова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ КРЫМСКИХ ЛЕГЕНД В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Интерес к проблемам изучения иностранных языков возрастает с каждым годом. XXI век ставит перед человечеством новые задачи, одна из которых — приобщение к мировой культуре. Потребность профессионального и личного общения с представителями иной языковой культуры очевидна. Именно поэтому для современного человека знание иностранных языков становится жизненной необходимостью.

Актуальность проблемы. Особая роль в процессе обучения иностранному языку отводится социокультурному компоненту, так как довольно часто причиной коммуникативной неудачи может оказаться не столько различие языков, сколько различие национальных сознаний коммуникантов. И поэтому успешная межкультурная коммуникация осуществима при наличии не только языковых навыков, но и определенных социокультурных знаний о стране изучаемого языка [6].